

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ**

Негмагова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Пардаева Дилобар

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

АННОТАЦИЯ:

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 01.05.2026

Revised: 02.05.2026

Accepted: 03.05.2026

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

*заимствованные
глаголы, языковая
интерференция,
морфологическая
адаптация,
семантическая
деривация,
лингвистическая
интеграция.*

*Статья посвящена комплексному анализу
теоретических аспектов функционирования
заимствованных глаголов в принимающей
лингвокультуре. Рассматриваются процессы
морфологической интеграции, семантической
деривации и прагматического освоения
иноязычных лексем. Особое внимание
уделяется динамике взаимодействия
грамматических категорий и
«сопротивлению» принимающей системы.*

Процесс инкорпорации иноязычного глагола в лексико-грамматическую систему языка-реципиента представляет собой один из наиболее сложных механизмов языковой эволюции. Глагол, будучи предикативным центром высказывания, обладает высокой степенью системной детерминированности, что делает его «трудным» объектом для заимствования по сравнению с именами существительными. Теоретическое осмысление этого феномена требует обращения к самой природе глагольности, которая в каждом языке кристаллизуется в уникальную сетку грамматических оппозиций.

Функционирование заимствованного глагола начинается с этапа его «грамматического приручения». Как отмечают исследователи структурной лингвистики, чужеродная основа должна не просто войти в словарь, но и подчиниться строгим правилам словоизменения. Здесь возникает конфликт между

морфологической инерцией оригинала и жесткими рамками принимающей системы. Глагол вынужден «сбрасывать» свои исконные флексии, заменяя их аффиксами, которые делают его распознаваемым для носителей языка-реципиента. В этом контексте уместно вспомнить наблюдения критиков, подчеркивающих, что заимствование глагола — это всегда акт деконструкции и последующей сборки лексемы в новом функциональном качестве. Особый интерес представляет семантическая трансформация. Заимствованный глагол редко сохраняет весь спектр своих значений. Напротив, происходит процесс «семантического сужения» или, реже, «метафорического расширения». В художественной литературе этот процесс часто описывается как обретение словом «второго дыхания» в чужой почве, где оно начинает обрастать новыми ассоциативными связями, немислимыми в языке-источнике. Глагол-пришелец ведет себя как мимикрирующий организм: он принимает окраску контекста, сохраняя при этом жесткое ядро своей первоначальной семантики, которая служит ему опорой в новой среде [4, с. 15].

Критический взгляд на проблему заимствований часто сводится к вопросу о «необходимости» и «избыточности». Ряд теоретиков полагает, что глагольные заимствования чаще всего обусловлены лакунарностью системы: когда в языке отсутствует точное обозначение для специфического действия, возникающего в результате технологического или социального прогресса. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой заимствование глагола — это результат престижности или экспрессивной востребованности. В таких случаях новый глагол вступает в конкуренцию с исконными синонимами, создавая тонкие стилистические нюансы. Как указывают исследователи дискурса, заимствованный глагол часто берет на себя функцию «терминологической точности», освобождая исконные слова для более широких, обиходных контекстов.

Морфологическая адаптация тесно связана с категорией вида. В славянских языках, например, это становится ключевым вызовом для заимствованного глагола. Изначально бесприставочные формы проходят путь становления видовых пар, что является высшей точкой интеграции. Этот процесс можно сравнить с вхождением человека в сложную иерархическую структуру, где каждое движение должно быть согласовано с общим ритмом коллектива. Глагол обретает способность выражать завершенность или длительность действия через систему префиксов и суффиксов, что окончательно стирает его «иностранный» в глазах рядового носителя. Важным аспектом является также синтаксическая сочетаемость. Заимствованный глагол диктует свои правила управления, которые могут вступать в противоречие с традиционными моделями. Здесь проявляется адаптивный потенциал языка: либо глагол подстраивается под существующие падежные формы, либо он провоцирует возникновение новых синтаксических конструкций. Критики отмечают, что именно в зоне глагольного управления чаще всего происходят скрытые сдвиги, которые в

долгосрочной перспективе могут изменить грамматический ландшафт языка. Первая фаза функционирования заимствованного глагола характеризуется преодолением структурного сопротивления. Это не пассивное принятие, а активная переработка, в ходе которой лексема лишается своей этимологической исключительности ради функциональной эффективности. Глагол перестает быть цитатой и становится полноценным инструментом предикации, готовым к дальнейшим семантическим приключениям в пространстве новой лингвокультуры.

Если морфологическая адаптация — это «регистрация» слова в системе, то прагматическое освоение — это его реальное участие в социальном обмене смыслами. На данном этапе глагол перестает быть просто носителем значения и становится инструментом идентичности. Как указывал Л. П. Крысин, социальная маркированность слова часто оказывается важнее его прямого денотата: носитель языка, используя иноязычный глагол, зачастую сигнализирует о своей принадлежности к определенной профессиональной или субкультурной группе [3, с. 215]. Функционирование заимствованного глагола в современном дискурсе характеризуется феноменом «экспрессивного перенасыщения». В ситуациях, когда исконный глагол кажется слишком обыденным, заимствование выступает в роли стилистического интенсификатора. В классических концепциях развития языка это часто описывается как приток «свежей крови», который не дает системе застыть. Глагол-инновация вносит в высказывание оттенки современности, динамизма и технологичности. Однако критики предупреждают от избыточности: когда заимствование не несет новой смысловой нагрузки, оно превращается в лингвистический шум, затрудняющий понимание.

Особый интерес представляет функционирование глаголов в цифровой среде. Здесь мы наблюдаем ускоренную деривацию. Заимствованная основа мгновенно обрастает исконными аффиксами, создавая гибридные формы, которые демонстрируют поразительную жизнеспособность. В этом процессе проявляется игровая природа языка. Глагол становится объектом лингвистического эксперимента, где стираются границы между «своим» и «чужим». Критики-структуралисты отмечали, что подобные новообразования — это не порча языка, а проявление его мощного иммунитета, способности переварить и переподчинить любой внешний элемент. Важным аспектом функционирования является когнитивная переработка действия. Заимствованный глагол часто концептуализирует действие иначе, чем это делает исконная лексика. Он может фокусироваться на результате, а не на процессе, или привносить специфическую модальность. В литературоведческих интерпретациях языка это сравнивается с использованием нового объектива в камере: реальность остается прежней, но акценты смещаются. Глагол заставляет слушателя или читателя взглянуть на привычное действие через призму иной культуры, что расширяет когнитивный горизонт принимающего сообщества.

Интересна также судьба заимствованных глаголов в юридическом и официально-деловом дискурсах. Здесь глагол обязан обладать моносемичностью. Если в разговорной речи заимствование может «плавать» в значениях, то в профессиональной среде оно жестко фиксируется. Теоретики языка подчеркивают, что именно глаголы-термины наиболее устойчивы к изменениям, так как они защищены нормативными актами и профессиональными конвенциями. Это создает ситуацию функционального дуализма: один и тот же заимствованный глагол может вести себя как свободный радикал в интернете и как консервативный элемент в официальном документе.

Взаимодействие заимствованных глаголов с фразеологической системой языка — еще один важный этап их жизни. Со временем «чужой» глагол начинает входить в устойчивые сочетания, становясь частью национального идиоматикона. Этот процесс свидетельствует о полной ассимиляции. Как отмечал В. В. Виноградов, когда слово начинает участвовать в создании переносных, метафорических смыслов в составе фразеологизма, оно окончательно теряет свою этимологическую связь с языком-источником в сознании рядового говорящего [1, с. 194]. Этот процесс не является односторонним заимствованием чужого опыта. Это сложный диалог систем, в ходе которого язык-реципиент проявляет свои избирательные и творческие способности. Глагол проходит путь от структурного шока и морфологической ломки до стилистического расцвета и участия в формировании новых смысловых пластов. Изучение этих процессов позволяет не только понять механизмы языковых изменений, но и спрогнозировать пути развития лингвистической системы в условиях глобальной коммуникации. Заимствованный глагол выступает не как символ культурной экспансии, а как свидетельство пластичности и открытости языка, способного интегрировать любые элементы, превращая их в эффективные инструменты человеческого общения. Динамика этого процесса подтверждает, что жизнь языка заключается в его постоянном движении и способности к самообновлению через взаимодействие с инаковостью.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — 480 с.
3. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 464 с.